

Как писал Платон много лет назад, единственные люди, которые никогда не увидят войны, давно мертвы.

Из предисловия Марсилио Фичино к переводу диалогов Платона, посвященному Лоренцо Медичи (около 1480 г.).

Мир несбывшихся надежд на «мир»

Последние десятилетия уходящего XX века породили не только эйфорию по поводу якобы насту-

пившего «конца истории», но и множество надежд, одной из которых стала надежда на появление «дивного нового мира», избавленного от войн и насилия. Тем не менее, как это уже не раз случалось в истории, социальная действительность рубежа веков оказалась намного более суровой и прозаичной, нежели та, о которой грезили прекраснодушные мечтатели, назначившие себя победителями в «холодной войне» Запада и Востока. Очень скоро выяснилось, что «дивный новый мир», пришедший на смену «холодной войне» двух военно-полити-

ческих блоков, не только не является миром без войн, но несет с собой новые вызовы и угрозы, зачастую еще более дерзкие и непредсказуемые, чем прежде. Одним из таких вызовов, безусловно, может считаться новая волна вооруженной конфронтации и насилия, захлестнувшая крупнейшие регионы земного шара в 1990–2000-е годы. Несмотря на то что количество войн между государствами после окончания «холодной войны» существенно сократилось, новые времена принесли с собой «новые войны»¹, а вместе с ними появились и новые субъекты, средства и цели ведения войн и вооруженных конфликтов. Все эти обстоятельства, вместе взятые, делают разговор о новых войнах нового XXI века не только осмысленным, но и в высшей степени актуальным.

Новые времена — новые войны

Использование понятия «новые войны» для обозначения войн последних двух-трех десятилетий не означает, что характерные для них явления — участие субъектов, не имеющих государственного статуса; применение асимметричных средств и стратегий борьбы; определяющее влияние, оказываемое на ход боевых действий коммерческими, а не собственно военно-политическими соображениями; использование в качестве воинов детей и женщин; вооруженное насилие по отношению к гражданскому населению и т.д. — никогда не встречались в войнах прошлого. Вбирая в себя все эти явления, новые войны являются войнами нового типа по отношению к одному хорошо известному как историкам, так и специалистам военного дела типу войн, а именно — по отношению к классической межгосударственной войне, которая, будучи феноменом Модерна, впервые появляется в Западной Европе

¹ Понятие «новых войн» было в середине 1990-х годов введено в научный и интеллектуальный оборот английским политологом венгерского происхождения Мэри Кальдор (в настоящее время — профессор глобального управления и директор Центра исследований глобального управления Лондонской школы экономики и политической науки) в работе: Kaldor M. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 1996.

в XVI—XVII вв. В этот период европейская и мировая практика знала прежде всего этот классический тип межгосударственной войны, главными субъектами которой являлись европейские национальные государства. В рамках данной военно-политической констелляции суверенное государство представляло собой главную движущую силу войны, оно выступало в роли субъекта международной политики, наделенного правом объявления и ведения войны (*ius belli*), а также завершало его заключением определенных мирных соглашений или перемирия с противником. Целью такой войны было не уничтожение противника, а принуждение его к миру на выгодных для победившей стороны условиях. Поэтому в рамках классического типа межгосударственных войн противник обычно не рассматривался как абсолютный враг, подлежащий полному уничтожению. Его необходимо было победить при помощи военной силы, но после этого следовало обращаться с ним гуманно. Идеально-типическая модель классического типа войны — это дуэль между противниками, признающими право друг друга на отстаивание своих государственных интересов с помощью вооруженной силы¹. В свою очередь, подобное «умиротворение войны» становится возможным благодаря появлению суверенного государства Модерна в качестве политического и военного монополиста войны. «Огосударствление» организованного насилия влечет за собой декоммерциализацию войны, на которую перестают смотреть как «частнособственное предпринятие» (М. Вебер), служащее источником доходов и средств к существованию для тех, кто ее ведет. Благодаря возникновению постоянных регулярных армий, комплектуемых на основе всеобщей воинской повин-

ности, государство Модерна смогло полностью взять распоряжение делом войны в свои руки и поставить ее на службу государственному интересу (*raison d'état*). Наконец, институционально-правовой рамкой классического типа межгосударственной войны является существование европейского международного права (*Ius Publicum Europaeum*), разделяемого всеми входящими в европейскую семью народов государствами и очерчивающего те коренные условия, которые только и делают данный тип войны возможным. Речь в данном случае идет прежде всего о наличии четкой границы между состоянием войны и состоянием мира, от которой зависят все прочие различия, определяющие военно-правовой формат классической войны — между военными и гражданскими лицами, между войной на суше и войной на море, между фронтом и тылом, между оправданным применением военной силы и военными преступлениями и т.д.

Что же касается новых войн последних десятилетий, то они отличаются от классических межгосударственных войн целым комплексом примечательных особенностей, главной из которых является их *асимметричный* характер. Если европейская история последних столетий была отмечена тенденцией к установлению симметрии между вооруженными силами противостоящих сторон, принципами их комплектования и организации, используемыми военно-техническими средствами, а также стратегией и тактикой ведения боевых действий, то в настоящее время в войнах и вооруженных конфликтах преобладают прямо противоположные тенденции. Причиной этого стали как масштабные геополитические изменения 1990-х годов, приведшие к прекращению идеологической и воен-

Фридрих II Великий (1712—1786)

но-политической конфронтации по линии Восток — Запад, так и постепенная утрата институтом современного государства монополии на ведение войны. В результате асимметрия силы, основанная на подавляющем военно-техническом превосходстве США и других стран западного мира, вступает в «новых войнах» в противоборство с асимметрией, обусловленной слабостью и вынужденной использовать неконвенциональные средства и стратегии вооруженной борьбы — партизанскую войну, терроризм, захват заложников и тому подобные средства — для компенсации своей собственной слабости. Иными словами, неравенство сил и средств противостоящих сторон, принимающих участие в войнах и вооруженных конфликтах нового типа, влечет за собой асимметрию средств и форм ведения войны, асимметрию интересов, преследуемых воюющими сторонами, а также асимметрию используемых ими типов рациональности и моделей при-

¹ Понимание войны как дуэли между противостоящими сторонами, проходящей по определенным правилам, восходит к трудам голландского правоведа Гуго Гроция (1583 — 1645). Последний полагал, что слово «война» (*bellum*) является производным от более древнего слова «поединок» (*diellum*), который осуществляется суверенными сторонами, уверенными в своей правоте и готовыми использовать силу для ее доказательства (Гроций Г. О праве войны и мира, кн. I, гл. I, § II, 2). Отличая частную войну от войны публичной, Гроций отдавал предпочтение второй на том основании, что она ведется верховной властью суверенных государств. Он был убежден, что в современную эпоху есть все основания для того, чтобы именовать «войной» «борьбу силою» именно между суверенными государствами. «Ничто не препятствует нам, — говорит Гроций, — присваивать название войны исключительно только вооруженному столкновению государств, поскольку, несомненно, родовое название сообщается нередко также тому или иному виду, в особенности же такому, который имеет какое-нибудь особое преимущество перед другими видами» (Там же, кн. I, гл. I, § II, 3).

Бой амазонок. Александр Дейнека, 1947 г.

нятия решений. В асимметричных войнах и вооруженных конфликтах обычно не бывает генеральных сражений или решающих битв, которые определяли бы исход войны в целом, либо служили бы ее переломными этапами. Вместо этого на первое место в них выходят массовые убийства гражданского населения, с помощью которых одна из воюющих сторон пытается лишить другую воли к сопротивлению с тем, чтобы поставить ее на колени. Классическое военное право, основанное на различии военных и гражданских лиц, и на идее войны как подчиняющейся определенным правилам дуэли между противоборствующими сторонами, в таких войнах больше не находит себе применения. Напротив, методы войны, ведущие к массовому уничтоже-

нию гражданского населения, в том числе и из-за масштабных процессов индустриализации войны, позволяющих создавать еще более разрушительные виды вооружений, получают в войнах нового типа всё большее распространение.

Важной отличительной чертой «новых войн» является феномен *приватизации насилия*. В силу утраты государствами монополии на ведении войны в современном мире получает широкое распространение ситуация, когда главными субъектами войны становятся лица и организации, не имеющие государственного статуса, — полувойсковые формирования, партизанские движения, территориальные отряды самообороны, международные террористические сети, структуры орга-

низованной преступности, частные охранные фирмы и т.д. По своей организационной структуре эти «частные» армии и организации характеризуются децентрализованным, «сетевым» характером управления, отличным от иерархического построения вооруженных сил старого типа. Процессам приватизации насилия в огромной степени способствуют постоянное совершенствование и широкое распространение легких видов оружия — от автоматов, пулеметов и переносных зенитно-ракетных комплексов до труднообнаружимых противопехотных мин и пластиковой взрывчатки, — которые дешевы, компактны и просты в применении. Как правило, именно этими видами оружия и пользуются «частные» армии самого разно-

го типа, участвующие в «новых войнах». Не менее важную роль играют и современные средства связи и коммуникации, позволяющие бойцам «новых войн» координировать свои усилия в режиме реального времени. В условиях, когда процесс приватизации насилия приобретает все больший размах, как за счет появления новых полувоенных формирований¹, так и за счет роста организованной преступности, в «новых войнах» постоянно стирается грань между войной как таковой, формами откровенно криминальной деятельности и целенаправленными чистками на этнической, религиозной и расовой почве.

Рука обо руку с приватизацией насилия как средства вооруженной борьбы идет *коммерциализация* ее целей. Войны нового типа ведутся не между суверенными Левиафанами, использующими войну в качестве *ultima ratio* решения межгосудар-

ственных споров. Скорее, они принимают форму борьбы за ресурсы между конкурирующими силовыми предпринимателями, при помощи вооруженного насилия максимизирующими прибыли и сводящими счеты с конкурентами. Повсюду мире, где процессы государственного строительства либо завершились неудачей, либо вообще еще толком не начались, на авансцену выступают частные силовые предприниматели, так называемые «полевые командиры», которые рассматривают войну как форму бизнес-предприятия для самих себя и своего ближайшего окружения, а также как форму приобретения средств к существованию для членов своих полувоенных формирований¹. Более того, определенные формы таких новых войн могут быть необычайно прибыльными не только для самих участников, но и для «третьих лиц», снабжающих воюющие стороны оружием и воен-

ным снаряжением. Сюжет недавнего голливудского фильма «Оружейный барон» («Lord of War»), прототипом главного героя которого явился дожидющийся ныне в тайской тюрьме экстрадиции в США по обвинению в контрабанде оружия российский предприниматель Виктор Бут, служит тому прекрасной иллюстрацией.

Наконец, «новые войны» асимметричного типа отличаются *низкой степенью интенсивности*. В отличие от межгосударственных войн классического типа для «новых войн» характерна не ставка на генеральные сражения, безоговорочно решающие исход войны, но скорее «война на истощение», победителем в которой оказывается та сторона, которая проявляет большую выдержку и терпение, равно как и демонстративную готовность к продолжению борьбы. Если при этом учесть, что участвующие в боевых действиях силовые

Афганистан: американский инструктор тренирует солдат Афганской национальной армии. 2008 г.

¹ Münkler H. *Der Wandel des Krieges: Von der Symmetrie zur Asymmetrie*. 2. Aufl. Göttingen: Velbrück Wissenschaft, 2006. Kap. 5.

предприниматели — полевые командиры и их полувойсковые формирования — живут *за счет* войны, то немудрено, что они оказываются материально заинтересованными в том, чтобы война длилась как можно дольше. Поэтому в данном случае нет ничего удивительного в том, что подобные асимметричные войны и вооруженные конфликты, особенно на периферии развитого мира, могут продолжаться целыми десятилетиями.

Мировая политика или мировая полиция?

Феномен «новых войн» является суровой реальностью современного мира, с которой придется считаться как политикам, так и простым гражданам. Новые войны породят новые геополитические сдвиги, и можно только предполагать, какой оборот примет ход развития событий в будущем. Ясно одно: наступивший век отнюдь не будет более спокойным и благополучным, не-

жели предшествовавший. Не стоит, однако, питать иллюзий, будто бы подобный неблагоприятный ход событий можно переломить за счет превращения мировой политики в мировую полицию, когда какая-то одна мировая держава или сила, апеллируя к либерально-гуманистическим ценностям, единолично присвоит себе право деления государств и народов мира на «правых» и «виноватых» в том или ином вооруженном конфликте с целью показательного наказания «виновного» «по справедливости». Как верно заметил в свое время Карл Шмитт, «политический мир — это не универсум, а плюриверсум», и до тех пор, пока он остается таковым, остается и война как последнее средство разрешения конфликтов между организованными политическими сообществами, по крайней мере такая война, которая не достигает порога применения ядерного оружия. Единственное, на что можно надеяться в подобной ситуации, — так это на нахождение таких средств

«умиротворения» «новых войн», которые не позволили бы новоявленным «борцам за мир» не оставить от него камня на камне.

а

ЧИТАТЬ:

Клаузевиц К. О войне: В 2 т. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Кребельд М. Ван. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2005.

Joas H. Kriege und Werte. Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Weilerwist: Velbrück, 2000.

Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. 2nd ed. Stanford: Stanford University Press, 2006.

Münkler H. Der Wandel des Krieges: Von der Symmetrie zur Asymmetrie. 2. Aufl. Göttingen: Velbrück Wissenschaft, 2006.

Новейший военно-транспортный корабль ВМФ США класса Сан-Антонио

Традиционное представление о справедливой войне утверждает ее обыденность и одновременно превозносит в качестве инструмента этики. Однако политическая мысль современности и международное сообщество решительно отвергали и то, и другое. Обе эти характеристики вновь возникают в современном мире: с одной стороны война низводится до статуса простой полицейской акции, с другой стороны, происходит сакрализация новой власти, которая может посредством войны легитимно исполнять этически обоснованные функции.

Антонио Негри,
Майкл Хардт. Империя.

Немецкие пикирующие бомбардировщики Ju-87 следуют к месту атаки. Район Орла, 1942 г.